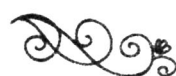

Аббаслы Рамиз

Рамиз Аббаслы – азербайджанский писатель, переводчик художественной литературы.

Родился 1 июля 1948 года в селе Паправенд Агдамского района Азербайджанской Республики. Учился в сельской школе. Очень любил точные науки – математику, физику, химию. Большой интерес проявлял к музыке, рисовал, читал художественную литературу: азербайджанские сказки, дастаны; особенно понравился ему эпос «Кёр-оглы». Учился в Бакинском государственном университете.

Пишет на азербайджанском и русском языках. Художественную литературу переводит с английского, немецкого и русского языков. Автор пяти книг, многочисленных статей и переводов.

Девятое место

Рассказ

Я проснулся среди ночи. Поезд едет. Слышен его монотонное тарахтение: так-тарак, так-тарак... Очень шумно. У нас в метро тоже шумно, разговор с сидящим рядом человеком не получается. Лучше сидеть и молчать. Если кто-нибудь звонит по мобильному телефону, я сразу говорю: «Алло, я еду на метро, здесь такой шум, ничего не слышно. Я перезвоню вам позже».

Я думал, так должно быть. Но, когда ездил в Германию, увидел другую картину: в вагонах шума почти нет. Но эта громадина двигается с большой скоростью, ее сопровождают гул и свист. Внутри вагонов же тихо. А поезда у них какие! Локомотив похож на авиалайнер. Кабина машиниста чистая и аккуратная, как кабинет главврача частной больницы. Когда я впервые увидел это, просто обалдел; стоял как вкопанный и смотрел. Заметив меня, машинист смутился: мол, зачем этот чужак так смотрит?

Если смуглый человек в Европе ведет себя чуть-чуть не так, это сразу вызывает подозрения: не террорист ли он? А в Германии надо быть очень осторожным: там процветает исламофобия, ПЕГИДА не унимается. Немецкий машинист тоже подозревал. Заметив это, я сразу понял, что попался. Чтобы рассеять его сомнение, я сказал: «Я впервые вижу такой локомотив. Очень красивый...» Молодой рыжий немец снисходительно улыбнулся. Инцидент был исчерпан, меня не задержали.

В наших вагонах много шума. Поэтому когда я еду на поезде ночью, плохо сплю, а после поездки голова

болит. На этот раз тоже так получилось: проснулся среди ночи и не могу заснуть. Я еду в вагоне СВ. В купе нас двое: я и какая-то женщина; молодая – на вид лет тридцати пяти, очень симпатичная. Она спит напротив меня. Я ее не знаю, увидел только вчера вечером. Она стояла у входа вагона. Там были кондуктор и еще несколько человек. Кондуктор взял мой билет, повернул туда-сюда, посмотрел и сказал:

– Девятое. Займите свое место. Отправка будет через пять минут.

Я зашел в вагон. Нашел свое купе и место. Вещи положил под сидение. Сел ближе к окну, раздвинув шторы, посмотрел на перрон. В это время у двери появилась целая толпа; это были те люди, которые толпились у входа вагона. Один из них спросил, куда я еду. «Какое ему дело?» – подумал я недовольно. Но совершенно спокойно сказал, куда еду.

– Она тоже поедет с вами, – сказал тот же человек и показал на одну из двух женщин; это была та, которая спит напротив меня.

Бросив мимолетный взгляд на женщину, я сказал: «Очень хорошо». Вся толпа – человек пять-шесть – стояла у двери. Все смотрели на меня; кто-то с интересом, кто-то с улыбкой на лице. Наконец, пожелав счастливого пути, толпа удалилась. Эта женщина тоже ушла с ними, а вернулась, когда поезд тронулся с места.

Уже стемнело. Я включил свет. Освещение плохое. Наверху, у самого потолка, горит одна малюсенькая лампочка. В слабо освещенном купе напротив меня сидит чужая, совершенно незнакомая женщина. Ехать с такой дамой, конечно, радость. Надо было заводить разговор. Я спросил, куда она едет. Она назвала какое-то село

одного из северо-западных районов Азербайджана.

– А вы живете в Баку? – спросил я.

– Да, я живу в Баку. Иногда еду к своим родителям, родственникам. Те, которые меня сопровождали, тоже родственники.

Постепенно набирая скорость, поезд едет. Начался бой между колесами и рельсами. Перестрелка между воюющими сторонами усиливается: так-тарак, так-тарак; так, так, так, тарак-так... А мы в купе спокойно сидим и разговариваем. Иногда она, прервав разговор, встает, высунув голову из-за двери, смотрит в коридор. «Наверно, она кого-то ищет или ждет...» – я про себя говорю. Она опять встала. Но на этот раз просто вышла из купе и пошла в сторону главного входа вагона. А через две-три минуты вернулась. Следом за ней в купе зашла кондуктор (женщина лет пятидесяти), проверила наши билеты, уточнила, кто на какой станции будет выходить, а уходя, спросила:

– Чай пить будете?

Я в поезде чай не пью. Но в купе я не один.

– Вы хотите чаю? – спросил я у моей спутницы.

Нет, она не хочет. «И я не хочу», – как бы извиняясь, сказал я кондуктору. Кондуктор ушел, а мы продолжили наш разговор.

– В нашем селе живут в основном авары. Я сама аварка. Но, как ни странно, многие думают, авары – это лезгины, – сказала женщина. На ее лице появилась улыбка, выражающая иронию и сожаление. – Это неправильно. Авары – тюрки.

Она закончила бывший АЗИ, работает в научно-производственном объединении. Грамотный человек. Я с интересом слушал ее. И надо же, вдруг она опять

прервала свой рассказ, опять встала, опять высунула голову из-за двери... Не знаю почему, но на этот раз она сказала, зачем так делает:

– Я кондуктору, вот этой женщине, сказала, чтобы она нашла мне другое место. Вроде обещает. Конечно, не даром: за это ей надо платить десять манатов. Я согласна. Но она почему-то долго тянет.

«Она не хочет ночевать здесь. С кондуктором ведет переговоры, ищет другое место. За это еще платить надо...» – подумал я. Но этот вопрос с ней не обсуждал. И так все ясно: молодая женщина не хочет ночевать в двухместном купе с чужим мужчиной. Потом кому что докажешь? Выключили свет, двери закрыли... Никто не поверит. Пожалуй, она права. Но это ее проблема, и она сама довольно-таки энергично взялась за дело.

Несмотря на щепетильность ситуации, мы все же продолжали нашу дружную беседу. Мы уже два часа едем. Другие пассажиры легли спать. А мы не спим: сидим и разговариваем. «Было бы лучше, если бы мы до утра вот так сидели и разговаривали», – думал я про себя. Но ей ничего не сказал. Вдруг она опять встала и сказала:

– Уже поздно. Я пойду узнаю, нашла ли она место.

Я не хотел вмешиваться в это дело. Но вдруг, неожиданно даже для себя, сказал:

– А зачем это?.. Не надо. За это еще деньги платить... Зачем? Не надо. Ложитесь и спите здесь. Да...

Она молча смотрела на меня. Я говорил отрывисто. Выражался короткими предложениями, лексикон был ограничен, часто повторял «Не надо. Зачем?». И все-таки с помощью этих «Не надо. Зачем?» я сумел переубедить ее. Она вернулась в купе и села. Мы молча смотрели друг

другу в глаза. Мне стало стыдно, я отвел глаза. После небольшой паузы она встала и стала стелить простыню. Я вышел из купе, чтобы она могла свободно работать.

Через десять минут я вернулся в купе. Выключив свет, накрывшись одеялом, она легла спать.

Я проснулся среди ночи. Молодая женщина в двухместном купе лежит спиной ко мне и спит. Сейчас ее зад выглядит больше. Вообще-то когда женщина спит на боку, ее зад кажется больше. Но это всего лишь иллюзия. На самом деле размеры всех частей тела остаются неизменными.

Лежа на боку, я смотрел на женщину, любовался ее красотой. А вдруг она проснется, повернувшись, увидит меня и наверняка скажет: «Зачем не спите? Зачем так смотрите? Но вы же обещали...» Мне стало совестно; повернулся на спину, глаза закрыл.

Хочу отключиться от реальности, все забыть, спать до утра. Не получается. А я не отступаю: глаза закрыл и не открываю. Иногда впадаю в какое-то туманное состояние. Но этот полусон продолжается недолго. Я опять просыпаюсь. Поезд едет и едет... Ночь не кончается.

Интересно, сколько время. Мои наручные часы лежат на раскладном столике. Женщина тоже что-то положила туда. Чтобы достать часы, я должен чуть-чуть привстать, протянуть руку в сторону женщины. Я правша, левой рукой орудую не очень-то умело. С другой стороны, ночь, и в темноте непременно промахнусь, что-нибудь упадет со стола. Женщина проснется.

– Что за шум? Что вы делаете? – встревоженно спросит она. – Ну дайте же спать!

Очень трудно будет уверить ее в том, что у меня никакой черной мысли не было. Но все равно, молчать тоже нельзя, и я скажу:

– Я хотел достать свои часы со стола. В темноте промахнулся, их уронил. Извините за беспокойство.

– Зачем вам часы? Даже без них понятно, что глубокая ночь, люди спят. Если вам не спится, лежите спокойно, дайте людям отдохнуть, – скажет женщина и будет права.

Уже стало рассветать. Я открыл глаза. Повернув голову, посмотрел на женщину. Ее поза изменилась: повернувшись ко мне лицом, она лежит спиной на правом боку. Лицо и шея открыты. Увидев ее в раннем рассвете, я поразился. Какая она красавица! И она ехала всю ночь со мной в двухместном купе, при выключенном свете и закрытых дверях спала рядом со мной. Если не считать то, что было до рассвета... Ведь было же... Вот так это было: я наконец-то перешел границы – залез под одеяло... Как ни странно, она не спала и, обняв меня, сказала: «Вы долго колебались... Зачем? Не надо было...» Да, так было. Но только мысленно. Если не считать это, я не прикоснулся к ней, даже пальцем не тронул. Только смотрел и любовался. А теперь смотрю и восхищаюсь.

Она красиво спит. Дыхание ровное. Лицо выражает безмятежное спокойствие. Она абсолютно уверена, что никто не будет ее беспокоить: я обещал ей это. Зачем я это сделал? И зачем она довела меня до этого? Не грех ли это?

Такой случайности не бывает. Мне просто повезло. Получилось так, что я ехал ночью в двухместном купе с

очень красивой женщиной. Но прежде чем лечь спать, она заколдовала меня и я твердо обещал не беспокоить ее, не приставать к ней. Не надо было... Зачем?

Поезд едет. Колдунья красиво лежит, спокойно спит; ей нет дела до моих сожалений.